

УДК 316.77 (476)

СОЦИОЛОГИЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А. В. Посталовский

кандидат социологических наук,

Центр социально-политических исследований БГУ (Минск)

Анализ содержания современных конфликтов показывает, что дестабилизация общественно-политических систем, усиление радикальности действий сторон конфликта в период политических противостояний, развитие бифуркационных процессов происходят во многом благодаря использованию ресурсу СМИ и социальных медиа. Учитывая указанные тенденции, в социологической теории формируется необходимость образования принципиально нового направления исследования радикальных форм социально-политических трансформаций – социологии дестабилизации. Представленная статья посвящена научно-теоретическому осмыслению феномена дестабилизации с позиций социологической науки.

Ключевые слова: дестабилизация, социология дестабилизации, конфликт, информационное воздействие, революция.

Введение

Нынешние тенденции функционирования современного общества характеризуются активным развитием дигитализационного процесса, предполагающим внедрение информационно-коммуникативных и цифровых технологий в повседневную жизнь человека. Формирующаяся технологизация повседневности индивида трансформирует не только поведенческие установки личности, но и существенно видоизменяет структуру общественных отношений, в том числе и формы разрешения социальных противоречий (социально-политические конфликты). Вместо традиционных предметно-объектных форм внешнего давления (армия, система безопасности, экономика, политические институты, природные ресурсы), применяемого в социально-политических конфликтах, направлением акцентированного негативного информационного воздействия выступают не объекты физического мира, а конкретно сознание личности (ценности, убеждения, культура, поведенческие установки, жизненные стратегии). По мнению основоположника концепции “мягкой силы” Дж. Ная, условное “выкручивание рук” ничем не отличается от “выкручивания мозгов”, а в ряде случаев воздействие “на мозги” представляется более эффективным по сравнению с физическим давлением [1, с. 148]. Соответственно, основное внимание сторон конфликта переключается на сознание и социально значимые личностные ценности. В контексте содержания инструментов акцентированного внешнего давления (воздействия) также происходит переориентирование предметно-объектной сферы. Как уже отмечалось выше, ранее объектом воздействия выступали институты (армия, территория, экономика), то в условиях переформатирования направленности внешнего давления на первый план выходят конкретные технологии активизации дестабилизирующего потенциала, переводящие конфликт из латентной сферы в публичное пространство. Описанные тенденции выступают источником формирования нового направления исследовательского поиска в социогуманитарных науках – социологии дестабилизации. Предметом изучения социологии дестабилизации выступают процессы деструкции социальных систем, обусловленные активным использованием технологий негативного информационно-коммуникативного воздействия.

© Посталовский А. В., 2019

Основная часть

Учитывая вышесказанное, дестабилизация представляет собой комплекс технологий, направленных на приведение социальной системы в нестабильное состояние, результатом которого выступает коллапс существовавших ранее социальных норм и отношений, приводящий к полному радикальному изменению структуры социальной системы либо трансформирует ее в неупорядоченное конфликтогенное состояние. Говоря о применимости данного понятия в отношении государства, необходимо отметить, что дестабилизация в указанных контекстах – это технология деструкции политической системы и экономического уклада с целью радикального преобразования путем приведения их в нестабильное (конфликтное) состояние. Результатом дестабилизации выступает либо полная радикальная трансформация правящей политической элиты либо системный кризис сложившейся модели управления [2, с. 8]. В медиасреде в качестве формы дестабилизации, согласно положениям Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, выступает деструктивное информационное воздействие, представляющее собой “осуществление информационного влияния на политические и социально-экономические процессы, деятельность государственных органов, а также на физических и юридических лиц в целях ослабления обороноспособности государства, нарушения общественной безопасности, принятия и заключения заведомо невыгодных решений и международных договоров, ухудшения отношений с другими государствами, создания социально-политической напряженности, формирования угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, разрушения традиционных духовных и нравственных ценностей, создания препятствий для нормальной деятельности государственных органов, причинения иного ущерба национальной безопасности” [3].

Как показали примеры социально-политических конфликтов последнего десятилетия, произошедших на постсоветском пространстве (“Сиреневая революция” в Молдове 5–12 апреля 2009 г., “Дынная революция” в Киргизии 6 апреля – 15 июня 2010 г., “Евромайдан” в Украине 21 ноября 2013 – 23 февраля 2014, “Бархатная революция” в Армении 13 апреля – 8 мая 2018 г.), активное применение ресурса СМИ и социальных медиа привело к эскалации конфликтогенности в рассматриваемых событиях. По мнению Л.Х. Ибрагимова, именно “с развитием информационно-коммуникативных технологий и становления глобального общества, усилилась роль экзогенных факторов, способных привести к дестабилизации политического режима. Современные коммуникационные технологии позволяют различным внешнеполитическим акторам дестабилизировать политическую ситуацию в необходимом регионе мира посредством искусственной дестабилизации действующей власти” [4, с. 25]. Как отмечает М.С. Ельчанинов, “в период бифуркации действует отчетливая закономерность: чем нестабильнее состояние кризисного общества, тем сильнее суггестивное воздействие СМИ на массовое сознание” [5, с. 75]. Описанные тенденции выступили источником формирования исследовательского поиска к феномену дестабилизации как принципиально новой стадии цикличного функционирования общества в период социально-политических противоречий.

В социологической теории изучение стабильного функционирования социальных систем нашло отражение в работах Н. Лумана [6], Т. Парсонса [7], К. Дэвиса [8] и др. Фундаментальные труды классиков теоретического социологического знания посвящены аспектам достижения линейного равновесия системы, предполагающей социальное благоденствие и интегративный порядок внутренних взаимосвязей системы. При этом представителей системной теории отличало идеалистическое восприятие функционирования общества, которое в их концептуальных трудах выступало в

качестве бесконфликтной модели социума. Данный недостаток системно-стабильной модели, равно как и склонность современного общества к конфликтам, противоречиям и дестабилизациям отмечают в своих трудах Р. Дарендорф [9], Л. Козер [10], Р. Мертон [11], П. Сорокин [12]. Социальная система имеет как явные, так и латентные дисфункции (инвариантная форма дестабилизации) в мертоновской интерпретации, равно как социальные конфликты являются естественным состоянием общества (Л. Козер). Разрешение конфликтной ситуации обязательно приводит к последующей трансформации общественной системы, переходя на новый уровень развития (Р. Дарендорф). Также заслуживают внимания труды специалистов (М.С. Ельчанинов [13], А.И. Пригожин [14], И. Стенгерс [14]) в области синергетики, рассматривающей такие вопросы, как самоорганизация социальных систем, формирование структурного порядка посредством преодоления хаотичного движения сегментов и общетеоретические аспекты стабилизации/дестабилизации системного состояния общества.

Формирование теоретико-методологического инструментария социологии дестабилизации и применения ресурса в СМИ в достижении нестабильного состояния политических систем выступает в качестве научно-теоретического развития концепции революции как радикальной формы трансформации общества. Если революция в классическом содержании выступает закономерным итогом развития исторического процесса и смены общественно-экономических формаций, то дестабилизация представляет собой комплекс организационно-технических мер, в том числе и акцентированного негативного информационного воздействия на сознание и поведенческие установки личности в условиях, когда видимых предпосылок к наступлению революции не существовало. Дестабилизация – это процесс умышленного акцентированного приведения общества в неупорядоченное состояние, результатом которого выступают социально-политические катаклизмы и иные девиации. Как отмечает И.В. Лиханова, “политическая нестабильность (дестабилизация) в отличие от неустойчивости политической системы выражает кризисные ситуации иного порядка, необязательно сопровождающиеся логикой или преобразованием наличной политической системы, а скорее с серьезной перегруппировкой сил (например, правительственный кризис, вызванный внезапно сменой кабинета министров)” “неустойчивость означает, что система при внешних воздействиях переходит в другое состояние” [15, с. 12].

Сама по себе дестабилизация как комплекс технологий, направленных на приведение сложившейся системы общественных отношений в деструктивное состояние, является реализуемой или с наиболее вероятной долей реализации при обязательном наличии дестабилизирующих факторов. Дестабилизирующие факторы – это необходимые условия структурно-содержательного стимулирования латентных форм конфликтности, наличие которых способствует реализации сценария дестабилизации социально-политической обстановки. Дестабилизирующие факторы выступают в качестве латентных форм потенциальной конфликтности. Перевод латентных форм в публичную сферу активизирует дестабилизирующий потенциал и общие процессы социальной напряженности в обществе. Редуцируя вышесказанное, необходимо отметить, что дестабилизирующие факторы – это условные нити, разрыв которых приводит к кризисному состоянию общества [2, с. 8].

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в качестве синонима понятия “дестабилизирующие факторы” используется термин “источник угрозы национальной безопасности”. Источник угрозы национальной безопасности представляет собой “фактор или совокупность факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению угрозы национальной безопасности” [16, с. 4]. В данном случае также подчеркивается наличие необходимых условий для реализа-

ции потенциала дестабилизирующих технологий. Соответствующие условия, в свою очередь, порождают угрозу национальной безопасности, определяемые Концепцией как “потенциальная или реально существующая возможность нанесения ущерба национальным интересам Республики Беларусь” [16, с. 4]. Именно соответствующие условия и технологии перевода потенциальных рискогенных направлений в публичную сферу способствуют эскалации конфликтной ситуации в современном обществе. Рассматривая в качестве потенциальных рискогенных направлений информационную сферу, В.А. Арчаков, О.С. Макаров и А.Л. Баньковский подчеркивают, что “...распространение запрещенного, недостоверного, негативного контента в информационном пространстве отрицательно влияет на население, обуславливает риски девальвации жизнесберегающих ценностей и традиционных нравственных ориентиров, снижение темпов образовательного и духовного развития, размывание национальной идентичности, деградацию личности” [17, с. 26].

В условиях импорта технологий дестабилизаций как формы акцентированного негативного воздействия, особую значимость для Республики Беларусь приобретает изучение данного феномена. Географически располагаясь в центре европейского континента, Беларусь находится между крупнейшими геополитическими игроками современной мировой политики (Европейский Союз и Российская Федерация). Начиная с момента распада СССР в 1991 г., государства постсоветского пространства сразу же с момента обретения независимости стали предметом геополитических интересов крупных государств, стремящихся вовлечь бывшие советские республики в сферу своего влияния. На первоначальном этапе в качестве инструментов воздействия на новые постсоветские государства применялись формы экономического, дипломатического, политического давления. В настоящее время формы внешнего давления претерпели содержательные преобразования в пользу информационных войн и иных форм информационно-психологического воздействия.

Немаловажное значение для Беларуси приобретает также общественно-политическая ситуация в Украине. Реализованный комплекс технологий дестабилизации социально-политической обстановки в период “Евромайдана” привел к отчуждению части территории страны и вооруженному конфликту в восточных регионах Донецкой и Луганской областей. Вооруженное противостояние в непризнанных ДНР и ЛНР привело к неконтролируемому потоку беженцев и увеличению числа людей с опытом ведения боевых действий, что, в свою очередь, выступает в качестве потенциальной угрозы национальной безопасности – фактором дестабилизации социально-политической обстановки.

Рассматривая феномен дестабилизации, необходимо отметить, что точкой бифуркации конфликтогенного процесса выступает наличие определенных условий (факторов), которые посредством применения конкретных технологий переходят из латентного состояния в открытое [2, с. 11]. Результатом данного перехода выступает эскалация конфликтной ситуации. Процесс дестабилизации в данном случае рассматривается в контексте теории “естественного конфликта”. Поскольку конфликты и противоречия присущи любой общественной структуре, соответственно, в основе функционирования любых обществ априори заложены факторы латентной конфликтогенности. Сам по себе феномен латентных (скрытых) факторов потенциальной дестабилизации характерен для абсолютно всех социальных и общественных структур. Любое общество представляет собой совокупность столкновения интересов и убеждений, вопрос лишь в умении разрешать противоречия и минимизировать потенциальные риски для общества. В свою очередь, теоретические модели бесконфликтных социальных систем в настоящее время представляются утопическими и не соответствующие реалиям современного глобализирующегося мира.

Если раньше в период классических революций фактором конфликтности выступала экономическая дифференциация и неравенство социальных классов, то в настоящее время экономика в целом перестала быть детерминизмом революционного процесса. Как отмечает А.С. Панарин, "...самая большая тайна, ныне скрываема от нас новой господствующей идеологией, состоит в том, что экономические отношения сами по себе не сплачивают людей" [18, с. 190]. Данная тенденция констатируется также в работе П.А. Сорокина, который пишет, что "...при прочих равных условиях в течение тех периодов, когда существующая культура или система социальных отношений, или они обе переживают решительное преобразование, внутренние беспорядки в соответствующих обществах возрастают; когда же культура и система являются прочными и сложившимися, внутренние беспорядки имеют тенденцию к уменьшению и остаются на низком уровне" [11, с. 759–760].

Продолжая данную мысль, П.А. Сорокин отмечает следующее: члены условно неблагоприятного общества "могут умирать от голода и все-таки не бунтовать или, во всяком случае, быть менее склонными к бунтам, чем члены вполне благополучного общества, чья система социокультурных ценностей находится в состоянии анархии" [11, с. 760]. Таким образом, необходимо отметить, что для конфликтов, в частности, для революций нового типа вовсе не характерно обязательное наличие экономического неравенства социальных групп. Конфликтность может быть детерминирована абсолютно иной группой факторов латентной дестабилизации, в числе которых будут отсутствовать экономические компоненты.

Так, С.П. Хантингтон, осмысливая аспекты функционирования современных обществ, пишет о принципиально новых формах конфликтности – конфликтах национально-культурной идентичности или "столкновения цивилизаций". Конфликты идентичности представляют собой инновационные формы социально-политических конфликтов, которые сменили традиционные социально-экономические противоречия и классовую борьбу эпохи классических революций. Как отмечает С.П. Хантингтон, "деление человечества времен холодной войны позади... Более фундаментальные принципы деления человечества – этнические, религиозные и цивилизационные – остаются и становятся причиной новых конфликтов" [19, с. 90]. Экономические вопросы в целом продолжают оставаться потенциально уязвимым направлением для реализации комплекса технологий дестабилизации, однако они не являются при этом определяющими, поскольку на первый план выходят ценности, убеждения, культура, нация. Как показали результаты "цветных революций" на постсоветском пространстве в 2003–2018 гг., кризисное состояние экономики далеко не во всех случаях выступало фактором дестабилизации политических режимов. Более того, революции происходили в государствах, характеризующихся относительно стабильным положением в экономической сфере (Грузия-2003, Украина-2004, Киргизстан-2005).

В указанных контекстах в социально-политических концепциях происходит содержательный пересмотр классической теории революции, в частности, уже упомянутого выше тезиса об обязательной экономической детерминации динамики революционного процесса. Теория дестабилизации политических систем дополнилась тезисом об "эффекте Токвиля" как обязательном атрибуте процесса дестабилизации. Содержанием дефиниции "эффект Токвиля" выступает "преувеличение в массовом сознании требований скорейшего разрыва с негативным прошлым и, как следствие, повышенная неудовлетворенность ходом происходящих перемен" [20, с. 371]. Революционные ожидания в отношении скорейших радикальных перемен трансформируются в общее недовольство действиями новых правящих элит, которые, по мнению участвующего в революции населения, недостаточно эффективно осуществляют раз-

рыв с условно негативным прошлым. Агрессивная политика средств массовой информации в указанный период приводит к естественному завышению уровня ожиданий от новых властей, которое сменяется разочарованием в отношении апологетов революции с последующим формированием среды для возникновения контрреволюции.

Немаловажным структурным компонентом современного конфликта выступает исследование точки его бифуркации – вызванное технологиями дестабилизации критическое состояние сформировавшейся модели социальной системы, перед которой открываются инвариантные направления дальнейшего развития (или свертывания) либо вступление в фазу долговременного кризиса [2, с. 12]. По мнению А.В. Манойло, “существенным фактором, требующим своевременной оценки, является интенсивность протекания конфликта, поскольку даже “кратковременное столкновение политических сил, носящее локальный характер, но имеющее высокий уровень интенсивности, может резко изменить политическую ситуацию” [21, с. 91]. Постановка проблемы определения интенсивности радикального развития конфликта находит также отражение в работе Р. Дарендорфа. “Теперь постановка вопроса теории, – пишет немецкий социолог, – изменяется на более продуктивную: при каких условиях социальные конфликты приобретают более или менее насильственную, более или менее интенсивную форму? Какие факторы могут влиять на интенсивность и насильственность конфликта?” [9, с. 144]. Как отмечает А.Г. Здравомыслов, “...сначала процесс накопления неудовлетворенности идет медленно и подспудно, пока не происходит некоторое событие, которое играет роль своего рода спускового механизма, выводящего наружу это чувство неудовлетворенности” [22, с. 35].

Собственно говоря, обозначенные мнения ученых относительно “точки бифуркации” конфликтной ситуации отражают наличие условного “нечто”, которое способствует эскалации конфликтной ситуации с последующим радикальным разрешением для противоборствующих сторон. Это условное “нечто” выступает структурным компонентом радикальных преобразований, так сказать, “детонатором” взрыва социально-политической обстановки. В данном случае, на наш взгляд, речь идет непосредственно о комплексе технологий дестабилизаций, который придал социально-политическому конфликту необратимый характер, обернувшийся радикальной трансформацией правящих элит и устоявшейся системы социально-экономических отношений [2, с. 13].

Рассматривая вопросы “точки бифуркации” социально-политических противоречий, следствием которой выступают системные преобразования общества, необходимо отметить, что в научной среде также встречаются теории революционного процесса, не рассматривающие наличие условного “нечто” как обязательного атрибута радикальных трансформаций. И.В. Стародубовская и В.А. Мау отмечают, что “революции происходят в тех странах, которые сталкиваются с принципиально новыми, нетипичными для них проблемами, порожденными как процессами внутреннего развития, так и общемировыми глобальными тенденциями. При этом институциональная структура и психологические стереотипы населения этих государств не позволяют гибко приспосабливаться к новым требованиям; и эти встроенные ограничители, препятствующие адаптации, не удастся устранить в процессе эволюционного развития” [23, с. 28–29]. В данном случае мы можем наблюдать противоположную вышеназванному “эффекту Токвиля” ситуацию. Стремительно меняющаяся социальная структура и повседневные реалии не позволяют индивиду мгновенно адаптироваться к новым условиям, вследствие чего формируются революционные настроения как форма адаптации и поведенческой реакции на происходящее. Если с “эффектом Токвиля” непосредственно правящий режим и социальная структура в целом неспособны удовлетворить ожидания населения скорейшего разрыва с негативной повседневностью,

то в ситуации, описанной И.В. Стародубровской и В.А. Мау, именно индивиды не могут быстро адаптироваться к изменяющимся реалиям функционирования общества. “Принципиальный фактор устойчивости, – пишут исследователи, – структур и отношений, сложившихся в обществе, – это их адаптивность, способность приспособляться к изменяющейся среде” [23, с. 29].

П. Селле, анализируя динамику революционного процесса, подчеркивает, что “основная идея состоит в том, что неожиданный экономический регресс не сопровождается своевременной и соответствующей корректировкой ожиданий. Ожидания продолжают расти, основываясь на предыдущем опыте общественного развития. ... Следовательно, когда разрыв между ожидаемым и реальным уровнями развития достигает определенного предела, вспыхивает революция” [24, с. 371]. Собственно, разрыв между сформированными во многом СМИ и революционным массовым сознанием ожиданиями радикальной трансформации общества и его реальным состоянием в рассматриваемый период приводит к дестабилизации политического режима.

Заключение

Таким образом, в современных условиях развития общества и возрастающего спроса на распространяемую в социальных медиа информацию особое значение приобретают вопросы сохранения стабильности общественно-политических систем как гаранта социального порядка в государстве. Анализ социально-политических конфликтов на постсоветском пространстве (2003–2018 гг.) показывает, что экономическая компонента перестала быть обязательным атрибутом детерминации революционного процесса и иных форм политических катаклизмов. Экономические противоречия сами по себе не являются необходимым условием возникновения конфликтности. В свою очередь, акцентированное негативное информационно-психологическое воздействие способно оказать влияние на сознание и поведенческие установки личности с последующим управлением реакцией индивида на происходящие события. Указанные тенденции сформировали потребность в корректировке направлений исследования радикальных социально-политических трансформаций, выступив источником возникновения социологии дестабилизации – принципиально нового направления в социологической теории.

Помимо кризисного состояния экономики для проявления открытых форм конфликтности достаточно наличия дестабилизирующих факторов, которые посредством ресурса СМИ и иных технологий распространения негативного информационного контента в социальных медиа, приводят к дестабилизации общества. Дестабилизирующими факторами являются необходимые условия структурно-содержательного стимулирования латентных форм конфликтности, наличие которых способствует реализации сценария дестабилизации социально-политической обстановки. Конфликты и различного рода противоречия характерны в настоящее время для любого типа общества, однако для их явного визуального проявления необходимы соответствующие инструменты и технологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Най, С. Д.* Будущее власти: Как стратегия умной силы меняет XXI век / С. Д. Най младший ; пер. с англ. В. Н. Верченко. – М. : АСТ, 2014. – 448 с.
2. *Посталовский, А. В.* Дестабилизирующие факторы современного мира: социологическое измерение / Д. Г. Ротман, А. В. Посталовский, И. И. Бузовский, Д. М. Бульнко // Современное белорусское общество: социологическое прочтение. БГУ в Государственной программе научных исследований “Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества на 2016–2020 гг.”. – Минск : БГУ, 2018. – С. 6–31.

3. О Концепции информационной безопасности [Электронный ресурс]: Постановление совета Безопасности республики Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // Официальный Интернет-портал Президента республики Беларусь. – Режим доступа: <http://president.gov.by/uploads/documents/2019/1post.pdf>. – Дата доступа: 19.03.2019.
4. **Ибрагимов, Л. Х.** Технологии интернет-коммуникации как инструмент дестабилизации политических режимов : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Л. Х. Ибрагимов. – Москва, 2016. – 28 с.
5. **Ельчанинов, М. С.** Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна / М. С. Ельчанинов. – М. : КомКнига, 2005. – 240 с.
6. **Луман, Н.** Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман ; пер. с нем. И. Д. Газиева ; под ред. Н. А. Головина. – СПб. : Наука, 2007. – 648 с.
7. **Парсонс, Т.** Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева ; науч. ред. пер. М. С. Ковалева. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 270 с.
8. **Дэйвис, К.** Миф о функциональном анализе как специальном методе в социологии и антропологии / К. Дэйвис // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Серия: переводы и рефераты. – М., 1968. – Ч. 2. – С. 212–218
9. **Дарендорф, Р.** Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142–147
10. **Козер, Л.** Функции социального конфликта / Л. Козер / пер. с англ. О. Назаровой ; под общ. ред. Л. Г. Ионина. – Москва : Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000. – 295 с.
11. **Мертон, Р.** Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М. : АСТ : Хранитель, 2006. – 873 с.
12. **Сорокин, П. А.** Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин ; пер. с англ., вст. статья и комментарии В. В. Сапова. – М. : Астрель, 2006. – 1176 с.
13. **Ельчанинов, М. С.** Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна / М. С. Ельчанинов. – М. : КомКнига, 2005. – 240 с.
14. **Пригожин, И.** Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. англ. – 6-е изд. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 296 с.
15. **Лиханова, Н.В.** Дестабилизация политического процесса как угроза национальной безопасности России в контексте социальных трансформаций : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / И.В. Лиханова. – Москва, 2010. – 25 с.
16. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утв. Указом Президента Респ. Беларусь 9 нояб. 2010 г. № 575. – Минск : Белорус. Дом печ., 2011. – 46 с.
17. **Макаров, О. С.** Концепция информационной безопасности Республики Беларусь – взгляд в будущее / А. В. Арчаков, О. С. Макаров, А. Л. Баньковский // Белорусская думка. – 2019. – № 3. – С. 24–31.
18. **Панарин, А. С.** Народ без элиты / А. С. Панарин. – М. : Изд-во Алгоритм, изд-во Эксмо, 2006. – 352 с.
19. **Хантингтон, С.** Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимеева. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2006. – 571, [5] с.
20. **Наумов, А. О.** “Цветные революции” на постсоветском пространстве / А. Ю. Наумова, В. Е. Авдеев, А. О. Наумов. – СПб. : Алетейя, 2014. – 164 с.
21. **Манойло, А. В.** Технологии несилового разрешения современных конфликтов / А. В. Манойло. – М. : Горячая линия – Телеком, 2008. – 392 с.
22. **Здравомыслов, А. Г.** Социология конфликта. Выпуск первый. Исследование конфликта на макроуровне. Теоретические предпосылки / А. Г. Здравомыслов. – Нижний Новгород : Издательство Волго-Вятского кадрового центра, 1994. – 82 с.
23. **Стародубровская, И. В.** Великие революции от Кромвеля до Путина / И. В. Стародубровская, В. А. Мау. – 2-е изд. – М. : Вагриус, 2004. – 512 с.
24. **Селле, П.** J-кривая Дэвиса. Когда происходят революции? / П. Селле // Теория и методы в современной политической науке: Первая попытка теоретического синтеза / под ред. С. У. Ларсена. – М. : РОССПЭН, 2009. – С. 371–387.

Поступила в редакцию 28.05.2019 г.

Контакты: cspr@bsu.by (Посталовский Александр Владимирович)

Postalovsky A. SOCIOLOGY OF DESTABILIZATION: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS.

The analysis of modern conflicts proves that the destabilization of social and political systems, radicalization of the conflict sides actions during the time of political opposition, development of bifurcation processes take place mainly due to the use of mass media and social media. Taking into account these tendencies a need to form a new trend in the research of radical forms of social and political transformations – sociology of destabilization – arises. The article deals with the theoretical substantiation of destabilization viewed in the context of sociology.

Keywords: destabilization, sociology of destabilization, conflict, information impact, revolution.